

Основа керамбы

ЛАРИСА РАЙТ

ИСТОРИЯ
СТРАННОЙ
ЛЮБВИ

РОМАН

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р12

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Райт, Лариса.

Р12 История странной любви : роман / Лариса Райт. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Островок счастья. Романы Л. Райт).

ISBN 978-5-699-81429-9

Вике не повезло в жизни — сложные отношения с матерью, безденежье и отсутствие какой-либо надежды на положительные изменения заставили девушку покинуть дом в юном возрасте. Она буквально вгрызалась в жизнь, пытаясь урвать хотя бы кусочек счастья. Но всякий раз с таким трудом добытое вдруг растворялось в руках Вики, оборачивалось туманом. Есть ли в этом мире хоть островок надежды? Да, и он зовется любовью, только Вика еще не готова принять эту любовь, ведь она не умеет любить даже себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ройтбурд Л., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81429-9

1

— Провожающие! — проводница бесцеремонно заглянула в купе. — Освобождаем помещение! Через пять минут отправляемся!

— Пойду, что ли?

Мать приподнялась с полки — да так и застыла в неловкой позе, вопросительно глядя на дочь.

— Иди, — кивнула Вика, с трудом сдерживая нетерпение.

Она пока не чувствовала ни грусти расставания, ни страха перед неизвестным будущим. Одна только безудержная эйфория окончательной свободы кружила ей голову и обещала впереди сладкую жизнь.

— Ну, пока?

Мать выпрямилась и отвернулась, смахивая приторные слезы. Вика поморщилась.

— Ты уж пиши там, не забывай.

— Напишу.

Вика легко спрыгнула с полки, быстро, как-то мимоходом обняла мать и легонько подтолкнула к выходу:

— Ну иди, автобус ведь...

— И правда, — мать вздохнула и вышла в коридор. — Я тогда не буду ждать...

— Не надо, опоздаешь.

Мать кивнула и, отвернувшись, медленно побрела к тамбуру. Сошла на перрон и так же не торопясь, будто нехотя, стала удаляться от вагона, в котором оставила дочь.

Та смотрела ей в спину и мысленно подгоняла: «Ну же! Ну же! Не успеешь ведь! Потом три часа до следующего рейса торчать тут, а малыцы там одни. Еще случится что! И надо было тащиться, провожать меня? Говорила ведь: «Сама справлюсь». А теперь вот сиди здесь, психуй, гадай, чем там малышня занимается».

Наконец сторбленная спина матери скрылась из вида, и мысли Вики приняли совершенно другое направление. Она вытянулась на полке и мечтательно прикрыла глаза. Она не думала ни о чем конкретном, в ее сознании вспышки разноцветного салюта сменялись плавным радужным свечением, а в голове безостановочным забегом кружилось единственное слово: «Все. Все. Все!»

Поезд дернулся, покачнулся и тронулся. Салют в Викиной голове долбанул финальным, раскатистым выстрелом, заставив ее вскочить с полки и выкрикнуть в полный голос:

— Все!

— Чего орешь? — Дверь тут же распахнулась, и недовольная проводница вкатилась в купе. — Билет давай! До Москвы, значит? — Она посмотрела на Вику с жалостью. — И чего вам там всем: медом на-

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

мазано, что ли? Едут и едут, будто она резиновая — Москва эта. Чего дома-то не сиделось?

— Не ваше дело! — буркнула Вика.

Не хватало еще, чтобы противная тетка испортила ей настроение. Москва, может, и не резиновая и намазано там таким, как Вика, скорее всего, горчицей, а не вареньем, но разве это имеет какое-то значение, если Вика решила? Раз решила — значит, сделает. Не за просто так ее в школе либо танком называли, либо бронепоездом. Она — вездеход, везделет и везделаз. Нет для нее нерешаемых проблем и закрытых дверей. Авторитетов Вика не признавала, но к тому, что учителя говорили ей вслед: «Далеко пойдешь!» — прислушивалась. И кстати, Москва — это не так уж далеко. Подумаешь, пара тысяч километров. Зато есть время все обмозговать и нарисовать какой-нибудь симпатичный план действий.

— А ты еще и хамка, — проводница вернула Вике билет, но убираться из купе не спешила.

— Какая есть, — огрызнулась Вика и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

— Ну, не серчай, не серчай! — проводница наконец поднялась. — Может, и получится чего у тебя.

Она вышла, оставив после себя запах немытого тела и привкус несложившейся судьбы, который захотелось заесть. Вика вытащила из сумки пакет, захрустела домашним огурцом. Неожиданно накатила тоска — в Москве еще неизвестно, как питаться придется!.. Никто с горячим ужином ждать не станет. Дома-то всегда и картошечка сварена, и соле-

нями погреб заставлен. Ну и что, что практически целый год одно и то же. Вкусно ведь! Да и Вике разве плохо от такого питания? Кожа да кости без всяких диет и упражнений. Фигура, в общем, модная и востребованная. Так, во всяком случае, в журналах пишут. А как оно на самом деле — время покажет.

Девушка снова заулыбалась. Прочь хандру, и никаких сожалений! Что сделано — то сделано. В противном случае она бы себе никогда не простила то, что даже не попыталась. Не попыталась сойти с колеи, которую ей предписала судьба, с колеи, у которой было только два разветвления: либо областной завод (если, конечно, случится удача туда попасть), либо профучилища, обслуживающие работников завода и их семьи: медицинское, педагогическое, кулинарное. Вика не хотела быть ни врачом, ни учителем, ни поваром. Она собиралась стать переводчиком, но переводить в их краях можно было только с матерного русского на приличный и обратно.

Был, конечно, и третий путь. Можно было сразу после школы идти работать. Мать, конечно, на это и рассчитывала. Сколько раз говорила: «Вот закончишь школу, и тогда...» Что именно «тогда» произойдет, она никогда не уточняла, а Вика и не спрашивала, предпочитая не посвящать мать раньше времени в свои планы. Конечно, мать надеялась, что Вика станет приносить в дом копеечку и помогать одевать-обувать малышню, но у Вики тоже ведь жизнь одна. Она этих детей не рожала, с какой стати она должна помогать их содержать, а не, например,

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

их папаша? Мать говорит: «Чего с него взять, непутевого?» Жалеет еще. Подумаешь, не женился. Подумаешь, детей не признал. Бедненький! Жалко его.

А Викину жизнь ей не жалко. Ее она себе уже нарисовала — на пятнадцать лет вперед. Хорошо, что поделилась эскизом аккурат после выпускного:

— Через неделю к Антонине пойдешь, она обещала взять. Думает к лету вторую точку открыть, так что пока подучишься, а потом она тебя туда и поставит. Заживем тогда, а, Викусь? Тут недовесишь, там обсчитаешь. Как там оно у продавцов водится? Да и в еде хоть какое разнообразие появится. Работник магазина — это сила. Чевой-то нахмурилась? Или не рада?

— Рада, — угрюмо ответила Вика, а на следующий день положила перед матерью билет до Москвы.

— Откуда? — охнула та.

— Пашка Сергачев из Иркутска привез. Они туда с батей по делам мотались, я и попросила купить.

— А деньги? Деньги кто отдавать будет?

— Да не волнуйся, мам, я уже все отдала.

— Отдала? А...

— Не переживай, я не брала в шкатулке. Свое отдала.

— Свое? — удивилась мать. — А...

Но расспрашивать передумала: меньше знаешь — крепче спишь.

Оно и верно. К чему ей подробности? Пашка Сергачев был вполне симпатичным, и если Вика и жале-

ла о своей отданной ему невинности, то недолго. Решение было сознательным и обжалованию, как водится, не подлежало. Ну не брать же у матери из шкатулки последнее, в самом-то деле.

— А я-то как же, Викусь? А они?

Мать все не могла поверить в реальность отъезда старшей дочери.

— Им больше еды достанется. Мам, я же жру, как лошадь, сама знаешь. Вон, сколько раз причитала, что не напасешься. Теперь полегче станет. А эти, — она мотнула головой в угол, где на полу возились трехлетние Танька и Ванька, — в сад пойдут. Ты хоть вздохнешь спокойно.

Мать вздохнула, но отнюдь не спокойно. Махнула рукой: мол, делай, как знаешь. Вика обняла мать, потерлась щекой об уже морщинистую шею нестарой женщины, заговорила быстро, горячо, убедительно:

— Мам, ну, останусь я тут, и что? Ну, буду торчать в этой Тониной палатке. Что я там увижу? Кого встречу? Алкаша какого-нибудь? Вот представь: сойду с таким от тоски, приведу сюда, свой выводок нарожаю, что делать-то тогда будем?

— Да что ты мелешь-то, дуреха? Нарожает она! Ты у меня всегда с головой была, неизвестно в кого только. Так что нечего меня пугать страшными картинками. Решила уезжать — уезжай. Не забывай только.

— Я не забуду, мамочка, — пообещала Вика, зара-

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

нее зная, что забыть, конечно, не забудет, но вспоминать постарается как можно реже.

А вот, поди ж ты, и десяти минут не прошло, а уже вспомнила.

А как о малышне не вспомнить? Если с кем и было жалко расставаться, так только с ними. О них сердце болело. О них душа печалилась. Что они без Вики делать будут? Как жить? Вика ведь и приготовит, и накормит, и погуляет, и поиграет. А теперь что? А теперь Вика едет учиться и с образованием сможет сделать для своей малышни гораздо больше, чем без него. Так что — «в Москву, в Москву!» — и никаких сомнений. Хотя, может, не надо в Москву? Может, сойти на следующей и вернуться? Нет, все-таки права мать: дуреха, дуреха и есть! Нечего вспоминать, незачем оглядываться. Удача любит тех, кто смотрит только вперед.

Вика прикрыла глаза и сама не заметила, как уснула. Через полчаса в купе снова заглянула проводница и увидела на полке свернувшуюся калачиком тоненькую девчущку. Она накрыла пассажирку одеялом и посмотрела на часы. Через два часа остановка, в купе должны подсесть пассажиры. Пускай поспит пока. Неизвестно, какая компания подберется. Она аккуратно подоткнула одеяло и перед тем, как выйти, снова взглянула на худой беззащитный комочек, в котором сейчас не было видно и тени той силы и решимости, что читалась в девице раньше. Проводница, которая в душе была доброй

и даже сердобольной, покачала головой и спросила куда-то ввысь:

— Дуреха?

И тут же кивнула утвердительно:

— Дуреха и есть!

2

— Виктория Сергеевна! — Секретарша Леночка в третий раз заглянула в кабинет и просительно подняла глаза к небу.

Вика нахмурилась, не переставая говорить:

— Месторасположение замечательное: уютная, тихая бухта, красивый пейзаж...

Убийственным взглядом она приказала секретарю закрыть дверь с другой стороны и подарила слушающим ее мужчинам убедительную улыбку:

— Проблема — в очистке пляжа. До сих пор никто ничего не построил на этом месте из-за того, что требуются вложения. Здесь, — она достала четыре папки и раздала их гостям, — все расчеты на ближайшие четыре года. Допускаю погрешность, но не более чем в один-два миллиона.

— То есть прибыль предполагается на пятый год?

— Не забывайте, что это только третий год функционирования отеля, а в минус мы перестанем уходить уже в год открытия.

— Заманчиво. Но надо бы съездить. Что скажете, Виктория Сергеевна?

— Скажу, что самолет зафрахтован, не проблема.

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

Гости одобрительно заулыбались. Вика ощутила победное ликование. А уж когда они воочию увидят это место, все их сомнения развеются, и она получит желаемое!

Она нажала кнопку селектора:

— Леночка, как обычно.

Эти слова вызвали очередные улыбки на лицах мужчин. Они уже знали: через несколько минут им подадут кофе с потрясающими десертами. И они станут интеллигентно, маленькими кусочками поглощать чудо кулинарного искусства и нахваливать повара:

— Ваш шеф, дорогая Виктория, просто волшебник...

А Вика будет кивать и улыбаться, но, конечно, без тени смущения, а даже с некоторым налетом гордости и превосходства. Да, вот такой у меня шеф. Не чета вашим!

И неважно, что шеф этот вовсе не ее, а ресторана через два квартала, в котором Лене приказано закупать пирожные в дни совещаний. Какая разница? Важно то, что в представлении этих толстосумов личный повар у нее имелся. И, судя по тем изыскам, что он подавал, стоил весьма недешево и заканчивал, видимо, как минимум Кулинарную академию в Париже.

У Вики действительно был личный повар — домработница Света, которую она иногда просила то отварить макароны, то пожарить картошку. А еще была любимая сеть дорогих супермаркетов с очень

неплохой кулинарией, где в Викином распоряжении всегда были салаты, мясо, рыба и даже дичь. Правда, когда она на той неделе принесла тетерева, Лялька сморщила нос и есть не стала. Но это не страшно. Ей даже полезно поголодать иногда. А то — вон в какую кобылу превратилась. Вика в ее возрасте в три раза меньше была.

Дверь отворилась, и в комнату вплыла Леночка с подносом в руках. Поравнявшись с начальницей, она прошептала:

— Три раза звонил.

— Знаю, — ответила Вика одними губами.

Столько же раз мигал беззвучным сигналом вызова мобильный на ее столе. Муж всегда перезванивал секретарю, если жена не отвечала. Обычно лишь для того, чтобы поинтересоваться, когда Вика освободится, чтобы перезвонить. О том, чтобы ждать, когда она перезвонит сама, речи не было. Так можно было никогда не дождаться. Она — занятой человек и не может позволить себе отвлекаться. Вот если ее отвлечь не совсем не вовремя, тогда она, может, и ответит, и поговорит, и даже найдет время обсудить, какие шторы повесить в столовой и куда летом отправить Ляльку — в Англию или все-таки в Швейцарию. В Швейцарии, говорят, построже, но в Англии — английский. Вика должна решить, в конце концов, что ей надо: воспитание или образование. Нет, образование в Швейцарии, конечно, тоже прекрасное, но вме-

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

сто английского придется сосредоточиться на французском или даже на немецком. Смотря, в какой пансион попадешь.

— Наверное, по поводу школ, — прошептала Вика секретарше.

— Не знаю. Голос какой-то странный.

— Просто запиши, что он хочет.

И чуть громче:

— Спасибо, Лена, можете идти.

Вика играла роль гостеприимной хозяйки, собственноручно разливая чай и раскладывая пирожные по тарелкам.

— Если ваш шеф согласится переехать в наш будущий отель, успех обеспечен, — похвалил свой чизкейк один из инвесторов.

— Мы сделаем миллионы на одних его десертах, — тут же подхватил второй.

Другие двое просто кивали с набитыми ртами.

Вика улыбнулась. Не им — своей хулиганской мысли: «Вряд ли гости отеля придут в восторг от Светкиной стряпни».

Мобильный снова замигал зеленым светом. Через минуту раздался смущенный голос секретарши из селектора:

— Виктория Сергеевна, я думаю, вам все-таки лучше поговорить.

— Ле-на! — отчеканила она твердо и раздраженно.

Ее посетители должны знать, что она не спускает персоналу оплошностей.

— Я же вам ясно объяснила...

— Да, но...